Семь дней. — 2004. — 4 янв. (№1). — С. 78-83

ИРОНИЯ СУДЬБЫ ВАЛЕНТИНЫ ТАЛЫЗИНОЙ

Наверное, самый новогодний и один из самых любимых наших фильмов «Ирония судьбы, или С легким паром!» во многом потерял бы свой шарм, если бы героиня Барбары Брыльской Наденька говорила каким-нибудь другим голосом. Но Рязанов пригласил на озвучание не кого-нибудь, а именно Валентину Талызину, сыгравшую, кстати, в картине небольшую, но весьма запоминающуюся роль питерской учительницы. И, как показало время, выбор оказался беспроигрышным.

— Валентина Илларионовна, в «Иронии судьбы» песни за главную героиню исполнила Алла Пугачева. Почему же вам не довелось? Ведь вы вместе с Лией Ахеджаковой так зажигательно пели «Вагончик».

— Красивое звучание голоса вовсе не означает умение красиво петь. Перед съемками эпизода, где Надя поет под гитару, Брыльска три дня разучивала под магнитофон текст песни «Вагончик», чтобы вовремя открывать рот, когда поет Пугачева. А за пять минут до начала съемок Рязанов вдруг объявил нам с Ахеджаковой: «Вы тоже будете здесь петь». И мы запели... Со съемочной группой случилась истерика — настолько «хорошо» мы это делали. Не смеялись только два человека — режиссер Рязанов и композитор Таривердиев. Второй дубль — тот же эффект, третий — то же самое. И так шесть дублей! Как нам потом передали, Эльдар Александрович подошел тогда к Таривердиеву и сказал: «Микаэл, это твоя музыкальная сцена, вот и научи их хоть как-нибудь петь!» На что Таривердиев хмуро ответил: «Их петь уже никогда не научишь». В результате песню в нашем с Ахеджаковой исполнении собирали по кусочкам из разных дублей... По правде, я вообще с детства стесняюсь петь. Зато у моей дочери Ксюши абсолютный слух. Это ей по отцовской линии передалось. Отец моего бывшего мужа был скрипачом, а мама — оперной певицей Большого театра. И когда я пою при дочери, она морщится и говорит мне с высоты своего музыкального образования: «Мама, не надо!»

— А по материнской линии дочка что-нибудь переняла?

— Надеюсь... Моя мама в свое время приехала из Омска в Москву и помогла мне воспитать дочь. Сама она работала счетоводом, потом была председателем поселкового совета в Борисовском зерносовхозе, расположенном в ста километрах от Омска. С папой они познакомились, когда он приехал в тридцатые годы осваивать целинные земли, он был в совхозе начальником отдела рабочего снабжения. Потом его направили в Западную Белоруссию, и мы вместе с ним поехали в Барановичи. Там нас застала война, и мы чудом эвакуировались. На полуторках я и мама добирались обратно в Сибирь, где у мамы остались родственники. Родители к тому времени разошлись, отец женился на польке — видимо, кровь польская в нем взыграла. С тех пор мы с ним не виделись. А я так и росла в Борисовском зерносовхозе, там же окончила школу.

— Вы сказали, что страх исполнять песни у вас появился с детства. Почему?

— Однажды я, ученица второго класса, на школьной новогодней елке спела песню из «Серенады Солнечной долины» — тогда в Омске только стали появляться трофейные фильмы. После чего очень строгая учительница (она приехала с эвакуированными ленинградскими детьми) отчитала мою маму и молодежную классную руководительницу за то, что они позволили маленькой девочке спеть песню о любви! Она сделала это так сурово, что я на нервной почве слегла в постель и три дня пролежала с высокой температурой. С тех пор петь я перестала.

Валентина Талызина с внучкой Настей

Когда уже поступила в ГИТИС, то пришла к педагогу по вокалу Галине Петровне Рождественской и сообщила ей, что у меня нет ни слуха, ни голоса, на что она ответила: «Этого не может быть, нет таких людей, у которых нет слуха или голоса». И через полтора месяца я уже пела у нее романс Бетховена. Но все равно страх перед пением и восхищение теми, кто умеет хорошо петь, у меня остались навсегда.

— Зато ваш голос для многих — лучше любой песни. Ведь он говорит не только Наде из «Иронии судьбы», но и Марта — героиня фильма «Долгая дорога в дюнах», и мама Дяди Федора из любимого всеми мультфильма «Каникулы в Простоквашино»... А когда вы сами замечали, что у вас такой необыкновенный голос?

— Однажды, когда мне было лет восемь, молодая учительница Софья Марковна позвала меня к себе домой, посадила на печку, вокруг рассадила своих домочадцев и попросила меня почитать им сказки Пушкина. Потом она часто звала меня к себе, и я читала сказки разными голосами... Об этом разузнали мальчишки в классе и как-то раз подкараулили меня, когда я возвращалась домой. Помню одного из них, Ваську Щербака. Он встал на дороге и спросил: «Ты к учительнице ходишь?» Я кивнула. Тогда они столкнули меня в канаву, и я полетела в сугроб, пришла домой вся в снегу. Ваську возненавидела на всю жизнь... Спустя много лет, когда я уже была актрисой и приехала в зерносовхоз к маме, Васька пришел к нам домой и сел в углу. Сидел и смотрел на меня, а потом говорит: «А мне не нравится жизнь артиста, ничего в ней хорошего нет». На что я ему сказала: «А ты туда никогда бы и не попал!» Он встал и ушел, больше мы с ним не виделись, но я до сих пор помню эти рыжие волосы и светло-зеленые глаза, как у кота... Когда я стала выходить на профессиональную сцену, то заметила, что, как только выхожу и начинаю говорить, зал затихает. Просто мертвая тишина наступала! Я думала: как хорошо я играю! Потом только поняла, что зрители замолкали от звучания моего голоса. Со временем мне стали часто говорить про мой особенный голос. Последним, кстати, был Боря Щербаков — мы с ним шесть лет играли вместе в антрепризном спектакле. Я ему как-то сказала, что он красивый мужчина до невозможности: все женщины, когда на него смотрят, просто теряются. А он мне говорит: «А ты зато — золотой голос России». Меня и водители узнают по голосу и денег за проезд не берут. А я отвечаю заготовленной фразой: «Это ваш вклад в благотворительный фонд русским артистам». На днях, правда, подвозил один и говорит: «У вас голос очень похож на голос актрисы Талызиной». Я промолчала.

— Когда вы поняли, что хотите стать актрисой?

— В школе ставили какой-то спектакль, и я в нем играла сестру главного героя, такую шустренькую девчонку. Однажды со сцены сказала смешно: «Ты посмотри, какая красивая у тебя новая курточка из старого пальто». Зал грохнул. И в тот момент во мне родилось какое-то новое ощущение... Умение подчинить себе зал, что ли... Я его запомнила.

— И вы решили ехать в Москву поступать в театральный?

Лия Ахеджакова и Валентина Талызина в фильме «Ирония судьбы, или С легким паром!»

к нам в комнату влетел мальчик — худенький, с маленькими, как бусинки, глазками. «Новенькие? — спросил он восторженно. — Ну что вы сидите, пошли гулять!» Паренек был из Львова. Мы с ним сразу подружились и за три года учебы обошли вместе все театры и музеи. Все девочки от него вскоре откололись, потому что за ним сложно было поспевать бегать во все театры. Но я не сдалась, прилипла к нему и была в него тайно влюблена. Этого мальчика звали Роман Виктюк. И теперь он один из мэтров отечественной режиссуры.

— Тем не менее судьбу вы связали не с ним, а с другим человеком...

— С мужем, Леонидом Михайловичем Непомнящим, я познакомилась, когда уже работала в Театре имени Моссовета. Он художник, сразу поразил меня своим талантом. Потрясающая личность. Однажды пришел с какой-то компанией в мое жилище в Каретном Ряду, которое мне выделили в театре. И, как потом признался, мигом протрезвел — от убогого вида комнаты, где жила артистка. Это был бывший каретный сарайчик, в котором зимой и летом по стенам текла вода. Через несколько дней Леонид предложил мне выйти за него замуж. Три года я не давала согласия, потому что он, как все художники, жестоко пил... Но все же мы поженились и прожили вместе двенадцать лет. Но когда дочери было пять лет, мы с мужем расстались — спокойно, без скандалов... Тяжело быть женой художника. Надо всю жизнь посвятить только ему, отодвинув на второй план и себя, и маму, и дочку. Вот другая его супруга действительно посвятила жизнь только ему, и он завязал с питьем. Леонид хороший отец, они с Ксюшей общаются часто. Сейчас он живет в Мексике, является одним из ста лучших художников страны. Видится с Ксюшей, очень любит нашу внучку Настю. Присылает ей из-за границы подарки, красивые платья...

— Театр имени Моссовета определил не только вашу личную жизнь, но и творческую...

— Попасть в него действительно было счастьем! Театром тогда руководил Завадский. Там играли Марецкая, Орлова, Серова, Мордвинов, Плятт... Это была потрясающая труппа.

— Как вас приняла знаменитая Фаина Раневская, она же славилась остроселовием и нелегким характером?

— Сначала Фаина Георгиевна меня невзлюбила. Я когда впервые увидела «Мулю, не нервируй меня», то так зажалась, что не разжималась до премьеры. Безумно ее боялась! А она смотрела на меня как удав на кролика. Но когда перед премьерой меня красиво одели, причесали, затянули в корсет и я увидела себя в зеркало, то удивилась: кто это? Вышла на сцену и вдруг подумала: «А чего я боюсь?» Да как дала монолог! Меня будто прорвало и нельзя уже было остановить. С тех пор Раневская меня приняла и очень полюбила. Сказала обо мне очень лестные слова, мне даже неудобно их повторять: «Талызина — актриса лучше, чем я, она умеет играть и героинь, и характерные роли».

— В телесериале «Линии судьбы», который только что прошел по каналу «Россия», вы сыграли как раз очень драматическую роль — хозяйки квартиры Розы Сергеевны, обманутой постояльцем Ликом. А с вами могла бы в жизни случиться такая ситуация?

— В жизни подобное может случиться со всякой женщиной. Ведь женщина всегда живет в ожидании любви, не важно, семнадцать ей лет или семьдесят пять! Коварный Алик очень искусно расставлял сети моей героине. Он нашел к Розе Сергеевне точный подход. Она ведь долго не хотела ему верить, но все же попала в его сети.

— Интересно было сниматься в такой молодой команде?

— Мы подружились сразу. Девочки все — потрясающие, труппа — супер, европейского уровня! Дмитрий Месхиев — как капитан корабля. Однажды был на площадке такой случай. Снимали эпизод, как я падаю в обморок, — я пре-

Ксения Талызина с дочерью Настей и ее муж Александр со своей дочерью — тоже Настей

возвращались домой, они и нас заразили своей радостью. Это была потрясающая поездка.

— А как вас встретили в театральный?

— Я приехала поступать в ГИТИС. Набор там, правда, уже закончился, но я ничего об этом не знала. На мое счастье, объявили дополнительный набор. Секретарша, узнав, что у меня нет никаких документов, кроме справки из института, не захотела со мной общаться. «Не морочьте мне голову, — говорит, — отойдите!» А мимо в это время проходил ректор ГИТИСа Матвей Горбунов. Похож он был на нахохлившегося воробья. Я его тут же схватила за полу и стала упрашивать: «Прослушайте меня, пожалуйста, я хочу быть артисткой!» И он пустил меня на прослушивание. Когда прочитала свои заготовки, экзаменаторы мне сказали: «Мы вас берем» — и велели отправить телеграмму маме, чтобы она прислала аттестат об окончании школы.

— Учеба в ГИТИСе не разочаровала?

— Нисколько. Правда, мне пришлось потрудиться над собой. У меня ведь был чего без документов, с одной лишь справкой, что являюсь студенткой второго курса сельхозинститута, я поехала в Москву поступать в театральный. Когда я садилась в поезд, спросила у мамы: «Ты хочешь, чтобы я поступила?» Она ответила: «Да». Тогда я себе сказала: «Значит, пройду». Но одну меня в Москву мама не отпустила. Я поехала со знакомым киномехаником дядей Лешей. Мы оказались в одном вагоне с амнистированными. Это были пятидесятые годы, и через наш Омск часто ездили из Магадана бывшие заключенные. Попутчики нас сразу пригласили сыграть с ними в карты. Я до сих пор помню одного потрясающе красивого тридцатилетнего парня. Не успели нам раздать карты, как он тут же посмотрел на меня и говорит: «Так, червей у тебя нет». Я глажу и свои карты и говорю: «Да, действительно нет». Потом старалась закрыться от него, отворачиваться. Но он снова говорил: «Так, у тебя есть крестовый валет». И он действительно у меня был! В общем, я все время оставалась в дураках. Хорошо еще, что не на деньги они с нами играли! Эти люди были веселыми и счастливыми, потому что

красно падала на пыльный пол раз три-четыре. А перед этим снималась сцена, где героиня актрисы Натальи Сурковой — гадалка Жанна — узнает, что умирает ее возлюбленный. Жуткая, тяжелая сцена. Наташка рыдала по-настоящему, выворачивала из себя все. В перерыве мы с ней встретились совершенно опустошенные, выложились ведь по полной программе. И тут я говорю: «Господи, сколько, что ли, кто сказал бы доброе или стакан налил!» А все знают, что Месхиев не выносит разговоров о выпивке на съемочной площадке. Он услышал мои слова. А Наташка, молодец, меня поддержала, говорит: «Да, между прочим, от стаканчика мы бы не отказались. Заслужили!» Это была провокация. Но тут Месхиев, видимо, уважил мой возраст и говорит: «Так... бабищи захотели выпить!» Мы молчим в знак согласия. Он продолжает: «Ну и что вы хотите?» А я много раз была во Франции, и красивое название вина «божоле» на меня очень действует. Я ему это сказала. Дмитрий подлывает ассистента, протягивает ему деньги: «На, купи им две бутылки «божоле». «Но надеюсь, это будет после съемки!» — обратился он к нам. И, завершив работу, мы собрались с девчонками и позволили себе по бокалу вина. Мужиков не звали из-за экономии. Потом уже мне сказали, что я в этот день играла с огнем.

— Вы не пожалели о том, что выбрали судьбу актрисы. А что думали по этому поводу в отношении своей дочери?

— Ксюша уже почти тринадцать лет актриса Театра Российской армии. Я не хотела, чтобы она была актрисой, но это был ее выбор. Согласившись помочь, я готовила с ней отрывки для поступления в Школу-студию МХАТа, но она провалилась на экзаменах. Страшно переживала, плакала, и я обратилась за помощью к актеру нашего театра Володе Гордееву. У него ни разу не было осечки — все ребята, которых он готовил, поступали. И он взялся подготовить Ксюшу. За три дня поменял ей полностью репертуар, и она поступила в ГИТИС... Четыре года назад у Ксении родилась дочь Настя. Она похожа на меня, такая же шустренькая. С ее папой Ксюша рассталась, когда была беременной, и дочке дала нашу фамилию — Талызина. А потом Ксюша встретила свою половину. Саша — очень хороший человек, работает в компании по выпуску детских игр. Живут они с нашей Настей и с его дочерью, которую тоже зовут Настя. Благодаря Саше моя дочка бросила курить, хотя до этого курила восемнадцать лет. Теперь они вместе занимаются спортом, ведут здоровый образ жизни. Я очень рада, что Ксюша нашла свою судьбу, ведь женщине-актрисе очень сложно это сделать.

Мария МОЛОДЦОВА
Фото Елены СУХОВОЙ